

Федеральное правительство сохранило парламентскую систему, но нынешний парламент уже ничем не напоминал прежний. Депутаты больше не пытались скрывать интересы стоящих за ними корпораций и группировок, открыто и без стеснения отстаивая их на каждом дебате. Из-за этого противоречия обострились до предела, и найти компромисс, который устроил бы всех, в краткие сроки было практически невозможно.

Планк давно был готов к подобному исходу, а вот Йоханнес никак не мог унять тревогу. Во время обеденного перерыва, даже сидя за одним столом, маршал не выказывал ни малейшего желания поддерживать разговор.

— Там, у края обеденной зоны... не ваша супруга? — неожиданно спросил Планк, указав куда-то в сторону.

Йоханнес поднял взгляд, проследив за его жестом.

— Ах... действительно она. Прощу прощения, я ненадолго отлучусь.

Поднявшись из-за стола, он промокнул губы салфеткой, поправил мундир и направился к миниатюрной брюнетке. Женщина явно узнала Планка и приветливо помахала ему рукой. Тот ответил легким вежливым кивком.

Планк всегда считал Комитет по правам Омег чересчур радикальной и фанатичной организацией, но именно в такие моменты ловил себя на мысли, что эти смутьяны способны приносить реальную пользу. Как-никак, с самого момента создания Комитета статистика браков среди омег резко пошла вверх, что для угасающего человечества было спасительной новостью.

Будь то выдающийся омега или исключительный альфа, Комитет неизменно подбирал идеальную пару. Обычно хватало максимум трех свиданий вслепую, чтобы человек обрел любовь всей своей жизни. Подобная точность казалась почти пугающей.

Планк не вдавался в подробности того, как именно Йоханнес нашел свое счастье под эгидой Комитета. Ему хватило одного взгляда на свадебное фото невесты, чтобы все понять без слов.

У невесты были длинные черные волосы, тонкие, мягкие черты лица и тихий, безмятежный взгляд темных глаз, напоминавший поэтический образ дремлющей у окна девушки из юношеских снов. Планк прекрасно знал этот типаж — молодая женщина казалась точной копией одного его знакомого. С той лишь разницей, что ее таланты в учебе были весьма посредственными, в то время как тот, другой, обладал слишком острым умом, отчего и вызывал у господина маршала столь искреннюю неприязнь.

— Супруга принесла домашний обед, — Йоханнес вернулся к столу, держа в руках небольшой, но очень изящный ланч-бокс с домашней выпечкой. — Узнав, что вы тоже здесь, она приготовила с запасом. Угощайтесь.

— Спасибо, я равнодушен к сладкому, — Планк все же выбрал самое крошечное угощение.

— До сих пор верен армейским привычкам, — улыбнулся Йоханнес, без лишних церемоний принимаясь за десерт.

— Армейский уклад куда здоровее. Не будь служба столь опасной, я бы охотно провел в строю всю оставшуюся жизнь.

Йоханнес понимающе усмехнулся, прекрасно зная, что коллега лукавит, и сразу перешел к делу:

— Думаешь, парламент одобрит твою инициативу?

Планк молча покачал головой.

— Но ведь президент уже уступил?

— Президента всегда можно сменить, — Планк неторопливо добавил ложку сливочного соуса в свой овощной суп. — Для урегулирования скандала в Фамагусте достаточно найти одного козла отпущения. Систему это никак не затронет.

— Парламентские старцы понятия не имеют, кто такой Эрвин... — Йоханнес бессильно покачал головой. — Этот парень — абсолютный псих! Если мы снова на него выйдем, плевать мне, кто встанет у меня на пути, — я лично пущу ему пулю в лоб.

— Смелые планы. Вот только сейчас преимущество, увы, на его стороне.

— Как думаешь, каков будет его следующий шаг?

Планк вновь покачал головой.

Этот жест озадачил Йоханнеса:

— Но ведь он твой ученик! Я полагал, ты знаешь его как свои пять пальцев. И как ты вообще умудрился разглядеть его среди десятков претендентов? Только не говори, что все дело в его субпопуляции — мол, единственный омега на курсе.

— Услышь тебя сейчас председатель Комитета по правам Омег, его бы удар хватил от таких речей.

— Полно тебе... Не уходи от ответа. Должна же быть веская причина?

— Мой выбор был куда прозаичнее, — ответил Планк, лениво помешивая ложкой фасоль в супе. — Эрвин поразительно упрям. На его родной планете уровень образования оставлял желать лучшего, там практически не было престижных академий, да и в тех, что числились получше, большинство факультетов были закрыты для омег. Находясь в заведомо проигрышном положении, он выбрал специальность, к которой не лежал душой, умудрился получить ученую степень, написать выдающуюся диссертацию и добиться личной рекомендации куратора. Только благодаря этим достижениям он выхлопотал право продолжить образование и в итоге предстал предо мной. Для стороннего наблюдателя это лишь блеклый, незначительный эпизод его биографии, но я-то знал: на подобное способен лишь человек колоссальной целеустремленности. А я ценю целеустремленность. Вот и все.

— И все же теперь очевидно, что с выбором ты фатально ошибся. Я ведь прав?

— Наверное, — тихо отозвался Планк, мысленно возвращаясь к прошлому.

В отличие от большинства надменных, заикленных на себе альф, Планк принадлежал к числу тех редких людей, которые наделены трезвым самосознанием. За долгие десятилетия работы с Эрвином он всегда отчетливо понимал: ученик к нему глубоко равнодушен. И дело было вовсе не в скрытой неприязни. Это была ледяная, абсолютная апатия. Эрвин не испытывал к нему ни малейшего интереса. Даже учитывая их полярную биологическую совместимость — доминантного альфы и фертильного омеги, — во взгляде Эрвина никогда не проскальзывало и слабой искры вождения.

— Но даже в рамках этого холодного сотрудничества... в итоге я его подвел.

— Что ты сказал? — не расслышал Йоханнес.

—... Ничего, старая привычка говорить сам с собой. Да, кстати, нам нужно продумать запасные варианты. Главной целью Эрвина наверняка остается удар по штабу военного ведомства. В технических вопросах Анни — абсолютный авторитет, тебе стоит и впредь полностью на нее полагаться.

Плевать. Эта мелкая бета-девка... В представлении Йоханнеса она была ничуть не уступчивее Эрвина. Пожалуй, именно к такому типу людей альфы испытывали стойкое, непреодолимое отторжение.

Лотт раньше не сталкивался с Анни близко, но после пары рабочих встреч безоговорочно согласился с выводами маршала. Он наивно полагал, что вице-председатель окажется таким же неистовым трудоголиком, каким был Эрвин. Однако стоило госпоже Шуберт прознать, что Планк сегодня в ассоциации не появится, как она тут же сгребла вещи в сумку и наострила лыжи к выходу.

— А как же спасение мира и всеобщее спокойствие? — попытался отшутиться Лотт, видя, что она действительно направляется к дверям.

— У моей близкой подруги сегодня день рождения, — абсолютно серьезно отрезала Анни.

«Что за нелепая отговорка?!» — мысленно взвыл Лотт, но из уважения к субординации проглотил возмущение.

Так или иначе, сколь бы абсурдным ни казался предлог, Анни успешно дезертировала с рабочего места, попутно прихватив своего вечного спутника — молодого альфу-адъютанта.

— Тебе все же стоило соврать поизящнее, — негромко шепнул Галин. Вид у оставшегося на хозяйстве Лотта был краше в гроб кладут.

— Да не вру я! У Каролины сегодня действительно день рождения, она велела мне бросить все дела и прийти.

—...

— Ну правда же!

—... — Галин лишь тихонько потер виски.

Если рабочий процесс упирается в тупик, а любые старания превращаются в пустую трату сил, правильнее всего — вовремя отступить и восстановить душевное равновесие. В этом и заключалось жизненное кредо Анни. Она категорически отказывалась брать пример с Эрвина и до последнего биться лбом о стену, доводя организм до критического состояния: обычные люди проходят процедуру регенерации генома раз в сорок лет, а этот безумец умудрился изнашивать себя за двадцать.

— Не хочешь идти со мной — возвращайся домой и ложись спать.

— Да иду я, иду, куда ж я денусь.

Каролина, одна из тех редких людей, кого Анни считала близкими друзьями, в юности служила в эскадрилье противовоздушной обороны правительственных войск, командуя передовым отрядом. Выйдя в отставку, она блестяще окончила юридический факультет и сделала головокружительную карьеру, дослужившись до верховного судьи. Судя по официальной биографии — образцовый пример self-made лидера. В действительности же Каролина оставалась неисправимой, ветреной и абсолютно непредсказуемой особой с замашками профессионального перебежчика.

Когда они вошли в полумрак условленного бара, то сразу застали виновницу торжества за привычным занятием: она всю флиртowała с прелестной омегой, нежно поглаживая ее тонкие пальцы. Бедняжка, одурманенная мощными феромонами судьи, пребывала в таком экстазе, что даже не заметила их приближения.

— А где Лоран? — поинтересовалась Анни, окинув взглядом столик.

— Отправился добывать мне воду, — небрежно бросила Каролина.

—... — Проследив за ее жестом, они действительно обнаружили Лорана: парень с поистине героической аккуратностью пробирался сквозь забитый людьми зал, стараясь не расплескать стакан холодной воды.

— Прости, прелесть, мои друзья наконец-то добрались, так что нам придется прерваться, — Каролина заговорщически подмигнула омеге. — Вон тот юноша — мой личный секретарь, обратись к нему, он даст визитку. Уверена, мы еще найдем повод встретиться.

Щеки девушки тут же вспыхнули пунцовым румянцем.

Глядя на это безобразие, Анни содрогнулась от мысли, что однажды Лоран не выдержит и прикончит свою начальницу прямо на рабочем месте.

— Ну же, рассаживайтесь, я забронировала отличный вип-кабинет! — Каролина замахала руками, приглашая их за собой.

Состоятельная представительница судебной элиты не поскупилась на роскошную приватную зону. Едва устроившись на мягких диванах, гости обменялись парой дежурных фраз и с напускным пафосом поздравили именинницу.

— Черт подери, Анни, ты из года в год даришь мне помаду одного и того же оттенка, — Каролина со смехом спрятала коробочку в сумку. — Капитан Галин, если память мне не изменяет, вы уже без пяти минут гражданский?

— Все верно, до конца контракта остался ровно год, — вежливо подтвердил Галин.

— Какое учебное заведение планируешь штурмовать после дембеля?

Нынешние времена были куда благосклоннее к отставникам, нежели эпоха молодости самой Каролины: сегодня практически любой альфа при желании мог без особых проблем выбить себе полную учебную стипендию.

— Сначала хотелось бы повидать мир, немного осмотреться, а уже потом определяться с учебой.

— Жизнь устроена чуточку сложнее, юноша, — снисходительно усмехнулась Каролина с высоты своего опыта. — Осесть в столице — задача не из простых... Хотя, хозяин — барин. В крайнем случае Анни тебя обеспечит.

— Эй! С какой это радости я должна его содержать?! — Анни едва не брызнула коктейлем на

стол.

— Госпожа вице-председатель, а господин Галин ведь действительно отличная партия. Надежный альфа, совсем не чета некоторым эгоистам, — подал голос вернувшийся Лоран, со стуком ставя стакан с ледяной водой перед своей шефиной. — Честное слово, я бы советовал присмотреться.

Однако упомянутая Каролина даже ухом не повела. Она демонстративно расправила складки шикарного вечернего платья, подхватила Анни под локоть и увлекла ее на танцпол, оставив мужчин наедине.

Поскольку Лоран и Галин едва знали друг друга, в опустевшем кабинете тут же повисло неловкое молчание.

— У них удивительно теплые отношения, — нарушил тишину Галин, пытаясь разрядить обстановку.

— Они вместе учились в университете, — охотно отозвался секретарь.

— Разве? Но госпожа Каролина ведь юрист. Как они могли оказаться однокурсницами?

Лоран удивленно моргнул:

— Тут уж не знаю. Когда я устроился к ней на работу, они дружили уже бог весть сколько лет. Вас это так сильно задело, господин Галин? Ах... — Лоран на секунду замялся, решив, что раскусил чувства собеседника. —... Да ладно вам, не берите в голову! Они исключительно подруги. Наша верховная судья просто невероятно толстокожая, бесстыжая натура, обожающая всех провоцировать. Анни никогда не принимает ее пьяные заигрывания всерьез.

Галин молча посмотрел на секретаря, не понимая, то ли парень действительно святая простота, то ли виртуозно разыгрывает дурачка.

— Если хотите потанцевать — идите, не стесняйтесь. Обо мне не беспокойтесь, в столице с безопасностью все строго, я отлично посижу тут один, — Лоран мысленно похвалил капитана за деликатность.

«И все-таки он круглый дурак!» — мысленно вздохнул Галин.

Однако вслух ничего не сказал, лишь одарил собеседника мягкой, обезоруживающей улыбкой.

Лишь глубокой ночью Планк наконец вернулся из здания парламента в офис Ассоциации. Первым делом он хотел переговорить с Анни, но Лотт сообщил, что вице-председатель давно отбыла домой. Планк отправил ей короткое электронное письмо, на которое тут же ответил

виртуальный дворецкий ее дома: хозяйка вернулась в состоянии сильного алкогольного опьянения и принять вызов не способна.

Лотт уже внутренне сжался, ожидая грозы, но Планк вопреки своей обычной суровости лишь тихонько усмехнулся.

«?» — Лотт растерянно моргнул, решив, что у него двоится в глазах.

— Все нормально. Она была точно такой же еще во времена Эрвина, — примирительно произнес Планк, и в его голосе прозвучали наставительные нотки. — У нее свой ритм работы. Но я ничуть не сомневаюсь: когда она вернется, у нее на руках будет готовое решение. Лотт, и она, и Эрвин — личности незаурядные и упрямые. И если хочешь руководить такими людьми, сначала научись их понимать.

Лотт ощутил внезапный прилив признательности.

— Понял вас, господин председатель!

<http://bllate.org/book/18311/1756286>